

— Черт возьми!

В тот момент, когда он полетел вниз, в голове у Цзян Есюэ не осталось ни единой мысли. Ему бы, конечно, стоило защитить себя потоком духовной энергии, но если бы он это сделал, то уж лучше было бы сразу сбежать, не теряя времени.

Пронеслось в голове: если сейчас грохнусь, придется потом неделю, а то и две в кровати валяться. Ну и невезение, надо же было так вляпаться.

Однако боли, которую он ожидал, не последовало — его поймали.

Рефлекторно вцепившись в то, что его подхватило, он тут же почувствовал резкую колющую боль в ладони. Это ощущение вернуло Цзян Есюэ в чувство.

Раскрыв глаза и увидев бамбукового воина, спасшего его от падения, он ощутил дурное предчувствие и поспешно соскочил на землю.

Стоя рядом с бамбуковым воином, Цзян Есюэ нахмурился, глядя на ладонь, из которой продолжала сочиться кровь.

Юэ Чэньцин и сам не ожидал, что вынудит незнакомца сигануть с высоты. Испугавшись, он тут же выглянул наружу и, убедившись, что человек цел, с облегчением выдохнул. А заметив знакомого бамбукового воина, даже обрадовался.

— Четвертый дядя! Четвертый дядя!

Услышав зов Юэ Чэньцина, Цзян Есюэ снова напрягся. Он поднял голову и увидел, как к нему приближаются мужчина и девушка.

Мужчина был в белых одеждах, с холодным, отстраненным выражением лица. Девушке на вид было около десяти лет, но черты лица уже обещали, что в будущем она станет ослепительной красавицей.

— ...Господин... это вы?

Наконец заговорила девочка. В ее красивых глазах читалась целая гамма чувств: радость, боль, немой вопрос.

Это была Сяо Ланьэр, дочь Чанфэн-цзюня, у которой Цзян Есюэ много лет назад отобрал духовное ядро.

Цзян Есюэ нахмурился, в глазах вспыхнул гнев, и он рявкнул:

— Какой еще господин? Сколько раз повторять, я не Цзян Есюэ и знать не знаю никакого Цзян Есюэ! Вы что, оглохли или ослепли?

Для обычного человека такая вспышка гнева в ответ на необоснованные обвинения была бы вполне понятна, но никто еще не видел, чтобы кто-то смел так дерзко разговаривать с представителями семьи Юэ.

— Есть ли у тебя доказательства, что ты не Цзян Есюэ? — подал голос Муронг Чуи.

— А у тебя есть доказательства того, что я — это он? — парировал Цзян Есюэ тем же вопросом.

Но у Муронг Чуи они как раз нашлись. Он быстро сложил пальцы в печати, возник барьер, и с помощью неизвестного заклинания окружающий пейзаж стремительно сменился — они оказались в незнакомой комнате.

— Ланьэр, выйди, подожди меня с Чэньцином снаружи.

Закончив приготовления, Муронг Чуи обратился к девочке. Сяо Ланьэр, как всегда, оказалась послушной: ничего не расспрашивая, она вышла, хотя на лице ее читалась тревога.

— Что ты задумал?! — Цзян Есюэ огляделся, чувствуя, как внутри нарастает беспокойство.

Муронг Чуи не стал томить, достал флакон с лекарством и, приближаясь, пояснил:

— Это Вода Исповеди. Выпьешь — и я задам несколько вопросов. Сразу станет ясно, ты это или нет. Если будешь отвечать честно, то не пострадаешь, но если солжешь — ощутишь боль, будто тысячи муравьев грызут твое сердце.

Цзян Есюэ не нуждался в объяснениях. Как только тот достал флакон, он сразу понял, что это такое. Вода Исповеди — память, оставленная им самим, хранила слишком четкие воспоминания об этом.

В те времена, когда он сам проходил через подобные испытания, если бы в его сердце осталась хоть капля привязанности к кому-то или чему-то, финал мог бы оказаться совсем иным.

Кто бы мог подумать, что ему так скоро придется снова испытать на себе вкус Воды Исповеди, причем из рук самого Муронг Чуи.

Находясь в пределах подвластной Муронг Чуи территории, Цзян Есюэ не мог пошевелиться и

был вынужден позволить влить в себя зелье. Хотя, если бы он захотел сопротивляться, это было бы проще простого, но он не мог себе этого позволить.

— Кхе-кхе-кхе... — Опустившись на колени, Цзян Есюэ схватился за горло, заходясь в кашле, и в то же время украдкой прикрыл серебристыми прядями волос след от укуса на шее.

Если бы Муронг Чуи увидел его сейчас, ему не понадобилась бы никакая Вода Исповеди, чтобы сразу узнать Цзян Есюэ.

Этот след от зубов — в его памяти сохранилось, что Муронг Чуи, не в силах сдержаться после того, как наложил Черное Демоническое Проклятие, часто пил кровь из его шеи. Месяц за месяцем, год за годом. Даже если порой он сдерживался, на коже Цзян Есюэ оставались несмываемые следы.

Хотя он и смотрел на собственные воспоминания, Цзян Есюэ чувствовал отвращение к самому себе. Впрочем, сейчас было не до этого — хорошо, что он учел такие детали, иначе сегодня было бы не избежать смерти.

Действие Воды Исповеди начало проявляться. Тело обмякло, сил не осталось вовсе. Он мог лишь стоять на коленях, сжимая кулаки так, что вздулись вены, а по лбу градом катился пот, пропитывая одежду.

Раньше он не так уж боялся боли, но после испытания Кровавым прудом тело стало до предела чувствительным, и страдания, которые он испытывал, многократно превышали то, что мог бы вынести обычный человек.

— Муронг Чуи, неужели ваша семья Юэ умеет только притеснять народ и творить зло? Юэ Цзюньтянь таков, так чем вы лучше? Поистине — отец и сын одного поля ягоды!

Цзян Есюэ, превозмогая боль, насмешливо улыбнулся. Он знал, что для Муронг Чуи это болезненная тема, но намеренно задел ее. Раз уж ему не дают покоя, то и он не обязан проявлять к ним любезность.

Как он и ожидал, Муронг Чуи пришел в ярость. Он присел, схватил Цзян Есюэ за воротник и свирепо посмотрел на него:

— И ты еще говоришь, что не Цзян Есюэ? Ты не просто похож, ты — вылитый он! Цзян Есюэ, ты все такой же омерзительный.

В груди внезапно кольнуло. На лице Цзян Есюэ отразилась мука, ладони были сбиты в кровь. Незнакомая, откуда у него взялись силы, но он оттолкнул Муронг Чуи, сжался в комок и задрожал.

— Убирайся! Не трогай меня!

Оттолкнув его, он вскрикнул. Почему? Потому что чем ближе был этот человек, тем невыносимее становились пытки.

Муронг Чуи отступил на несколько шагов. Глядя на дрожащего человека, свернувшегося на полу, он ощутил лишь еще большее отвращение. С омерзением вытирая руки платком, он смотрел на него сверху вниз.

— Цзян Есюэ, как жаль, что ты не стал актером. Те, кто пил Воду Исповеди и лгал, не устраивали таких представлений. Здесь только мы двое, для кого ты разыгрываешь этот спектакль?

Неизвестно, слышал ли его Цзян Есюэ, но он не ответил ни слова.

Похоже, Муронг Чуи надоело тратить время. Он начал беззвучно читать заклинание, и по мере того, как слова стихали, Цзян Есюэ постепенно успокаивался, а взгляд его становился остекленевшим.

Увидев это, Муронг Чуи спросил:

— Кто ты и откуда пришел?

Цзян Есюэ ответил безжизненным голосом:

— Я — Хань И из Ханьцзян Есюэ. Странствую по свету, не имею постоянного дома.

Услышав первые четыре иероглифа, Муронг Чуи взволновался, но следующие слова поставили его в тупик.

Он спросил снова:

— Кто такой Цзян Есюэ? Ты встречал его?

Цзян Есюэ ответил:

— Цзян Есюэ — старейшина Цинсуй из Академии Чунхуа, бывший юный господин семьи Юэ, позже изгнанный из дома и сменивший имя на Цзян Есюэ. Он был женат на Цинь Муцзинь, супруги жили в любви и согласии. Госпожа Цзян рано скончалась, Цзян Есюэ не женился вторично, а позже в войне лишился возможности ходить. Я видел его.

Все это было известно жителям Чунхуа, но это лишь то, что он позволял видеть другим. Его истинное лицо Муронг Чуи знал куда лучше.

Голос Муронг Чуи стал еще холоднее:

— Ты видел его. Где ты его видел?

— В Сказаниях о странном в Девяти провинциях.

— ...

Такого ответа он не ожидал, но допрос не прекратил:

— Где книга?

Цзян Есюэ, лишенный воли, достал из мешочка Цзецзы Сказания о странном в Девяти провинциях и протянул книгу, но Муронг Чуи ее не взял, а приказал:

— Найди его там.

Повинуясь, Цзян Есюэ опустил голову и начал листать страницы, вскоре найдя запись о себе.

Муронг Чуи влил в книгу духовную энергию — вспыхнул золотой свет. В записи были описаны внешность, биография, поступки Цзян Есюэ — всё было изложено до мельчайших деталей, словно это была личная летопись. Неизвестно, кто ее написал.

Глядя на эту книгу, Муронг Чуи в порыве гнева разорвал ее потоком энергии, не заботясь о том, поранит ли это того, кто ее держал.

Бумажные клочья разлетелись, словно снежинки, а на бледном лице ничего не чувствующего Цзян Есюэ появилось несколько глубоких порезов, из которых хлынула алая кровь.

Но даже в гневе Муронг Чуи не забыл о своей цели. Его голос стал зловещим:

— Кто те люди, о которых Цзян Есюэ заботился больше всего?

Он сам не знал, почему задал этот вопрос, и даже удивился тому, что эти слова сорвались с его губ.

На этот раз человек, принявший Воду Исповеди, не ответил. Цзян Есюэ уставился в пол, и

вдруг из его горла вырвалось: — Пха! — черная с красным жидкость хлынула изо рта, и к нему наконец вернулись его собственные чувства.

Перед глазами потемнело, и Цзян Есюэ рухнул на пол.

Муронг Чуи был удивлен — он не ожидал, что этот человек, столь похожий на Цзян Есюэ, окажется таким хрупким и потеряет сознание так быстро.

— Эй, не притворяйся мертвым! — Муронг Чуи подошел ближе, с отвращением глядя на лежащего сверху вниз, и даже не собирался ему помогать.

Но, подойдя ближе, он заметил, что губы того шевелятся, будто он пытается что-то сказать. В конце концов, он не выдержал, присел на корточки и тревожно спросил:

— Что ты сказал? Громче!

Голос был слишком слабым и прерывистым.

— ...Муронг Чуи, ты...

Муронг Чуи, ты... Что ты? Никто не мог разобрать, что он сказал дальше.

Жизненные силы угасали. Этот человек был таким хрупким, словно снежинка, что тает, едва коснувшись ладони.

Хотя ему очень хотелось снова применить заклинание, чтобы тот очнулся и договорил, Муронг Чуи в итоге сдался и развеял действие Воды Исповеди.

Слегка массируя ноющие точки на теле, Муронг Чуи, казалось, наконец пришел в себя, пробормотав:

— Я, должно быть, сошел с ума. Цзян Есюэ давно мертв, его фонарь души погас, как он может быть жив? Этот человек лишь немного похож на него, к чему эта одержимость?

Размышляя так, он снова присел, дал тому пилюлю и направил духовную энергию, чтобы залечить раны. Но он не ожидал, что как только его энергия проникнет в тело того, лицо человека исказится от еще большей боли.

— ...Матушка... не уходи, я буду слушаться, я... буду слушаться во всем...

— Почему... почему ты хочешь отобрать у меня всё, что мне принадлежит? ...Я тоже человек, у

меня тоже есть сердце, я тоже хочу, чтобы меня любили...

Слезы катились из уголков глаз, он продолжал что-то бессвязно бормотать.

Муронг Чуи, слушая этот бред, замер. В сердце внезапно возникло необъяснимое, сложное чувство. И в этот самый момент, когда он замешкался, человек, только что лежавший без сознания, внезапно открыл глаза, в которых мелькнул алый отблеск.

Увидев перед собой Муронг Чуи, Цзян Есюэ инстинктивно отпрянул. Сейчас он выглядел максимально жалко: весь в крови, с бледным, обессиленным лицом.

<http://bllate.org/book/22459/2362185>